Мимолетные встречи

Цикл рассказов

Я расскажу вам истории, которые мне пришлось наблюдать и небольшим образом участвовать в них. С великими людьми мне, тогда еще совсем молодому человеку, не о чем было особо говорить, я ничего из себя не представлял, а просто был жадным до искусства, до творчества, до встреч с интересными людьми. Я тянулся к интересным людям, а судьба, как известно, откликается и одаривает тех, кто очень хочет. И так получилось, что все эти мимолетные встречи с великими людьми случились и одарили меня счастьем.

Марк Бернес, о котором я сейчас вспоминаю, великий советский певец и актер, равного которому в Советском Союзе в 50-60 годах просто не было.

Я тогда работал заместителем заведующего Отдела школ и ВУЗов в Обкоме комсомола, и ЦК комсомола имел возможность давать своим сотрудникам пригласительные билеты на любые мероприятия, даже в Кремлевский дворец съездов или в театр на Таганке, куда билеты просто невозможно было достать. Единственным исключением был балет «Спартак» в Большом театре. Билеты на этот спектакль продавались только за валюту.

Однажды, на день Победы, мне посчастливилось присутствовать на концерте на летней эстраде в парке культуры имени Горького в Москве. Летняя эстрада была огороженная легким заборчиком, на длинных скамьях сидели «при полном параде» фронтовики. Тогда появилась и стала популярной песня «Фронтовики наденьте ордена». К тому времени Хрущев отменил выплаты фронтовикам за награды и о фронтовиках стали уже забывать, так что и они сами стали стеснятся надевать свои ордена. И тут, чтобы исправить эту несправедливость, появилась эта песня.

Я, поскольку хотел поближе все рассмотреть, пришел заранее, примерно на час раньше начала концерта и занял место в первом ряду – на первой лавке, рядом с эстрадой. Всем пришедшим по пригласительным при входе вручали по букету цветом и бутылочке с водой. День был по-летнему жаркий, несмотря на то что было всего лишь 9 мая. Порядок концертов в то время был такой – народный артист Советского Союза получал право исполнить три песни, Народный артист России – две песни, заслуженный

артист - одну песню. Концерт проводился Министерством Культуры, и артисты все были довольно известные.

И вот начался концерт, на лавочках сидят фронтовики, в орденах, многие в военной форме. Видимо они пришли с какого то торжественного собрания. У каждого из них был букет цветов и букет врученный при входе. Первым вышел Марк Бернес и что-то у него не заладилось с микрофоном. Звука не было. Среди ветеранов сидел солдат - в военной форме, в пилотке, маленький, коренастый, широкогрудый. Вся его грудь была в орденах. Причем ордена были очень значимые. И он кричал - «Марк! Даешь «Темную ночь», Марк, «Темную ночь!».

Марк Бернес слушал, потом обернулся и сказал, «Не шуми брат, а то будет тебе темная ночь, вон к тебе уже два сержанта подбираются». И действительно два молодых милиционера уже подходили к солдату. Тут микрофон заработал и Марк начал исполнять песню, но не «Темную ночь», а другую . И вдруг этот ветеран кричит «Марк , спой Темную ночь! Ты же тоже фронтовик! Меня уже уводят!». Милиционеры, тем временем, уже взяли фронтовика «под белые руки» и вели к выходу.

Марк остановил пение и махнул оркестрантам, чтоб замолчали, и скомандовал сержанту: «А ну стой!» «Сегодня чей праздник? Сегодня чей день? Да, всеобщий День Победы, но прежде всего это день ветеранов. Конечно, я исполню. Извини я не прав. Я исполню сейчас «Темную ночь».

В тот день он так исполнил «Темную ночь», что люди, ходившие за забором, шаркающие по асфальту, остановились, замерли, прислушались, прижавшись к заборчику, а в зале летней эстрады повисла звенящая тишина. Она длилась бесконечно долго, пока солдат не снял пилотку, не ударил ей о землю и воскликнул «А теперь хрен с вами, ведите куда хотите» Но смущенные милиционеры поспешно отбежали в сторону. Толпа аплодировала Бернесу стоя, и долго еще он не мог начать следующую песню, махая руками и прося ветеранов успокоится. Это было великое исполнение. Великое! Он пел не голосом, он пел сердцем.

Я был еще на нескольких концертах Марка Бернеса. Например, в Сочи в летнем театре. Он вышел и сказал тихо «Я сейчас вам расскажу песню». Не спою, а расскажу. Он оценивал себя как слабого певца, знал, что у него тихий голос, но в песни он вкладывал всю душу. Он пел так проникновенно, как бы преподнося на ладони каждое слово так, что оно западало в душу. А какой-то здоровенный подвыпивший детина крикнул с

заднего ряда - «Марк, ты чего сосёшь микрофон!» Марк Бернес с достоинством спокойно ответил - «Как могу, так и пою, не нравится - можете выйти». И тут же люди вынесли этого верзилу из зала, сопроводив пинками.

Любовь к Марку Бернесу была поистине всенародной, с которой трудно было что-то сравнить. При этом были у великого артиста и завистники, поэтому в жизни Марка Бернеса был период, когда его не снимали в кино, не приглашали участвовать в концертах, не звали на радио. В центральных газетах публиковались статьи с критикой в адрес Бернеса и призывами искоренять пошлость в музыке.

Марк Наумович был человек несгибаемой силы воли и огромного трудолюбия. Последнюю свою песню «Журавли» он записал будучи уже тяжело больным, за месяц до своей смерти, приехав в студию из больницы и спел ее так, как считал правильным. В оригинальном тексте Расула Гамзатова звучало:

Мне кажется порою, что джигиты,
С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей.

Прочитав стихотворение Бернес позвонил поэту-переводчику Науму Гребневу и сказал, что хочет сделать песню. По телефону, сразу же, обсудили некоторые изменения в тексте будущей песни. Тонко чувствующий Бернес, решил немного изменить текст и написал «Солдаты» вместо «Джигиты», как бы обратившись ко всем погибшим фронтовикам. Музыку написал композитор Ян Френкель. Писали ее долго, но когда Марк услышал мелодию, то расплакался – мелодия тронула его. Песню записали с первого же дубля. Марк Бернес скончался 16 августа 1969 года, на 58-м году жизни, от рака лёгких.

Надо заметить, что судьба популярных людей зачастую трагична и напоминает качели. Часто в их биографиях, в их творческой судьбе присутствуют особые трагические события. Великие люди горят ярко, не жалея себя, освещая жизнь окружающих своим светом, но сгорают быстро, а мы остаемся на этой земле осиротевшие, хранящие в своих сердцах воспоминания о некоем чуде, которое нам посчастливилось знать.

Следующий рассказ **о Людмиле Георгиевне Зыкиной**, великой русской, советской певице, которую в последнее время почему-то стали забывать.

Когда то она была первой в исполнении народных песен, объездила весь мир и везде с достоинством несла всё богатство русской песни - раздольной, пронзительной, нежной, мощной. Всё, что присуще русской песне, все оттенки – она передавала с высочайшим мастерством, поэтому её песни доходили до души каждого человека, вне зависимости от национальности и географии. Везде она пробивалась к сердцам слушателей, была золотым фондом нашей культуры и пользовалась заслуженной любовью и уважением во всем мире.

Концерт, о котором я хотел рассказать, я думаю, был исключением из ее творческой биографии, но что было, то было. Расскажу, ни убавляя, ни прибавляя всё, что я видел на том концерте. После выступления Марка Бернеса выступило еще несколько молодых , талантливых артистов, в том числе Лев Лещенко и Муслим Магомаев. Магомаев, который всегда выступал безукоризненно одетым в костюм – тройку и галстук бабочку, в этот раз был в одет в обычные брюки и светлую водолазку, объясняя это тем, что его подняли «по тревоге» и попросить выступить вместо другого, заболевшего, исполнителя. Он все время поправлял ворот водолазки, и было видно, что ему неудобно за свой внешний вид.

Затем объявили Людмилу Зыкину. Она исполнила «Волгу» и раздались три жидких хлопка. Я был поражен настолько, что не мог поверить в реальность происходящего. Я не мог понять, что случилось, а произошло следующее. В то время москвичи, как это не прискорбно, перестали ценить талант Зыкиной, которую до этого буквально боготворили и носили на руках.
Людмила Георгиевна была из простой семьи, в юности работала на заводе и люди говорили «она наша» , но по мере того как росла ее слава, отношение к ней у людей в столице менялось. Именно в Москве, сытой, мещанской, ее невзлюбили по причине множества слухов и сплетен, которые витали вокруг ее великой личности. В то время Зыкина была очень дружна с министром культуры Екатериной Фурцевой. Сама Фурцева была человеком очень неординарным, не однозначным, достойным отдельного рассказа. И вот эта дружба с власть предержащими легла тенью на Людмилу Георгиевну. Зыкина вела себя как настоящая звезда и могла позволить себе то, что никогда не позволяли простые советские люди. Например, после концерта во

Владивостоке, она забыла в номере свою шаль - вещь необычайной красоты, ручной работы и неимоверной стоимости. И ради того чтоб не расстраивать певицу, задержали самолет и послали водителя, чтобы он съездил и забрал эту вещь. Пассажиры просидели в душном салоне самолета больше часа, обливаясь потом, и ждали, когда же привезут платок. Но дальневосточники это особые люди. Не завистливые, а участливые. Они были рады находиться в одном самолете с великой певицей. Москвичи же подмечали каждый просчет в её поведении, ничего не прощали, завидовали и злились. За несколько дней до этого концерта я был на другом концерте Людмилы Георгиевны и на нем тоже произошел неприятный эпизод. Когда она готовилась петь первую песню, к ее ногам с балкона слетела программка. Видимо кто-то случайно смахнул ее с ограждения балкона. Начало концерта всегда очень важно для исполнителя, будет ли звучать голос, как примет зритель.. Нужен особый настрой. Человеческий голос это очень сложный инструмент и именно первую песню очень важно спеть хорошо, так как это задаст настрой всему концерту. И вот летит эта программка, как бумажный самолетик. И Зыкина, остановив оркестр, довольно резко бросила в зал:
-Если еще раз позволите себе пускать самолетики, я развернусь, и выступать не буду.
Потом она развернулась и ушла за кулисы. Повисла мертвая тишина. Потом раздался свист и гул.
Спустя какое то время она вернулась на сцену, спела концерт, как всегда безукоризненно.

Но вернемся к тому незабываемому концерту, с которого я начал рассказ. Рядом со мной сидела очень красивая женщина в форме полковника - благородное лицо, седые волосы аккуратно уложены, китель с орденами и медалями, а рядом – маленькая девочка, видимо внучка. Тут же на скамье лежал огромный букет из роз. Этот букет очень выделался своей пышностью. Я очень хорошо запомнил и эту женщину, и маленькую девочку в голубом платье, с огромным голубым бантом и красных туфельках.
Зыкина спела «Волгу» и раздались три жидких хлопка. И она пошла в глубину сцены, где стоял второй рояль , упала на него и замерла, видимо ее сразило, мягко сказать прохладное, отношение зала. Когда к ней подошёл конферансье и попробовал тронуть ее за руку, она резким движением локтя толкнула его в грудь так, что он покачнулся. Я был шокирован происходящим. Зыкина должна была петь три песни, но ушла за кулисы, а конферансье объявил кого то другого.
После выступления этого артиста Зыкина вновь вышла на сцену и опять что то спела. И вновь - жидкие хлопки. И после того как Зыкина спела вторую песню, она опять отошла вглубь сцены к роялю и заплакала там. Конферансье подошел и попробовал ее успокоить. Возникла пауза, и люди начали понимать всю неловкость ситуации. А женщина , сидящая рядом со мной, вытащила из букета три розы и дала своей внучке, которая пошла вручать цветы Зыкиной.

Лестница была очень крутая, девочка маленькая, а розы длинные, возвышались над головой девочки. Все замерли, так как девочка могла не удержаться и упасть с лестницы. Конферансье, почувствовав , что что-то происходит, выглянул на сцену и увидел девочку с розами. Он подошел к Людмиле Георгиевне и развернул ее лицом к залу, и она увидела сперва цветы, а потом голубой бант и буквально в три шага подлетела к краю сцены, подняла девочку на руки и прижала ее к себе.

Так она стояла на сцене, напоминая своим видом статую солдата-победителя в парке Берлина - в одной руке микрофон, в другой - девочка с букетом и начала петь «Рязанские мадонны».

И пела она с такой самоотдачей, с такой болью, тоской .. всё, что скопилось в ее душе она выплакала в этой песне. И это было потрясающе. Такого шквала эмоций, катарсиса, трагизма я не испытывал никогда - ни до, ни после. И весь зал испытал, я думаю, тоже самое. Когда же она закончила, то не могла уже двигаться, так как отдала, видимо, все силы на исполнение этой песни. Девочка сидела на ее руках, тихо прижавшись к ней щекой. Все замерли и молчание длилось минуты две. А потом хлынул шквал оваций. Люди вскочили с мест, ее забрасывали цветами, цветы рассыпались по залу.. Творилось что-то невообразимое. Это был момент, когда искусство переходит грань обыденности и становится чем-то волшебным, необъяснимым. Искусство захватило этих людей, объединило, сплотило.

Наконец Зыкина отпустила ребенка и уже хотела уйти, но тут подошла женщина-полковник. Она вручила Людмиле Георгиевне оставшиеся у нее розы и взяла девочку за руку, чтоб увести со сцены. Но Зыкина обняла полковницу и поцеловала ей руку. После чего ушла со сцены. Ушла тяжело, и я увидел, что за сценой она опять зарыдала.

И мне было так стыдно, и я подумал « Боже, какая трагедия в жизни этой певицы, какие качели она испытывает. Только что ее готовы были втоптать в грязь и вытерли об нее ноги, и тут же подняли куда-то в поднебесье, и вот она уже парит над нами, как ангел любви и красоты. Какой трагизм, величие и бездна переживаний».

Я поспешил к служебному выходу, чтоб вручить ей свой букет, пробрался через толпу и стал поджидать ее, чтоб извинится перед ней.

И в это время вышел Марк Бернес, и я сказал: «Здравствуйте Марк Наумович, С днем Победы Вас!» - «И Вас» – ответил он, тепло улыбнулся и пошел дальше.

А потом вышла Зыкина и я, подойдя к ней, и поздоровавшись, сказал:

«Знаете, вы были у нас во Владивостоке, прошел год с тех пор, а до сих пор еще идут разговоры о вашем выступлением у нас».

Она посмотрела на меня как то жалостливо, с участием. Я был так жалок в этом своем лепетании.. Букет брать не стала: « Куда мне, вон сколько надарили», взяла только один цветок. Я стоял, как дурак, растерявшийся, не сообразивший отдать букет её ассистенту. Но я был счастлив, что видел этот миг, победный миг искусства, который может все переменить. И в тоже время мне было ее очень жалко. При всем обожании толпы, при том, что она

всегда была на виду, в толпе, она была очень одинокой. А хуже нет того, чем одиночество в толпе.

Ее личная жизнь была неустроенная. Она не могла простить своим мужчинам измен, а из-за того, что совсем молоденькой девушкой во время войны ей пришлось работать в госпитале и таскать на себе раненых – надорвалась и не могла иметь детей. Все свою нерастраченную любовь она отдала своим племянникам. Когда Людмила Георгиевна умерла, несколько лет на ее могиле даже не было памятника, а ее ближайшие родственники занимались дележом наследства. Государство, которому эта великая певица отдала всю жизнь, также не потрудилось увековечить ее память. И только благодаря великой актрисе Элине Быстрицкой памятник появился.

Но главная память – это память народа. И народ помнит Зыкину, как величайшую исполнительницу русских народных песен.